

Ращенья Надежда Игоревна

Пожар

Четырнадцатилетняя Катька вздохнула. С мамкой спорить бесполезно: если сказала - утром за морошкой идём, значит, так оно и будет. Ранняя, в шесть часов, побудка, часовая поездка на велосипедах, и не менее полчаса ходьбы по лесной тропинке в огромных резиновых сапогах до болота. Нет, морошку – северную костянистую янтарную ягоду – Катька любила, но тратить целых полдня, а то и день на то, чтобы наполнить огромную корзину ягодами неумоготу. Да разве мамке объяснишь, что сегодня пятничная дискотека, а значит, там будет Вадим – объект её тайных девичьих мечтаний.

Бредя в сумерках (уличное освещение в их селе уже отключили) домой после недолгих посиделок, Катька чуть не наткнулась на Галюсика - нелепое вечно пьяное подобие женщины в мужском не по размеру пиджаке и спортивных штанах. Впрочем, штаны иногда заменялись на чёрную неряшливую юбку, а вот узкие глазёнки Галюсика всегда были одинаково пустыми, словно невидящими. А ведь Галюсик ещё молодая, местную школу лет семь как окончила. Попеременно жила то с одним, то с другим пьянчугой. На селе периодически шептались: то Галюсик за бутылку водки в чём мать родила на улицу вышла, то ножом гоняла собутыльника. С последним сожителем – Ванькой Фыриным - также вместе пили, вместе дрались. В последнее время стал наведываться к ним Санька Рябинин, инвалид с вывернутыми в кистях ладонями с недоразвитыми пальцами. Но даже с такими руками Санька мог творить чудеса. Художник-самоучка, он расписал местный дом культуры и запил. Иногда, словно приходя в себя от дурмана, бросал пагубное зелье, а потом снова принимался пить. Вот и сейчас, видно от одиночества и безысходности, прилепился он к развесёлому семейству Галюсика.

Катька всегда вежливо здоровалась с Галюсиком, как-никак соседка по двенадцатиквартирному дому, но, чувствуя внутреннюю брезгливость, общение старалась ограничить только приветствиями. Вот и сейчас отступила в сторону и пропустила что-то тихо бормочущую себе под нос соседку.

Лёжа в кровати, Катька долго не могла заснуть, но постепенно в её сознании слились воедино и Вадим, и Галюсик, и морошка... Морошка. Катька стоит на болотной кочке и на свет рассматривает морошину. Ягода медленно теряет привычные очертания, превращаясь в диск. И вот на руках у Катьки само раскалённое пылающее солнце, слепящее глаза. Внезапно тишину леса разорвали, будто беспорядочные оружейные залпы, странные звуки. И тут же

мамины руки и встревоженный голос вырвали Катюку из её полузабытья: «Катюша, Катя, вставай! Пожар!»

Сонная Катюка видит за окном в небе алые волокна утренней зари. На горизонте осторожно показывается солнечный диск. Пока она приходила в себя, стряхивая остатки сна, мама сунула ей в руки сумку с документами, накинула прямо на ночную рубашку халатик и вытолкнула за дверь: «Отходи в сторону, подальше, а я попробую хоть вещи какие-нибудь собрать.»

На улице уже толпа народа. Странно Катюке: слышат у соседа бензин из машины, муж жену за стенкой избивает – никто не слышит, не видит. Деньги собрать на похороны – найдутся те, кто губы поджигает: что-то частенько собирать стали. Но случись пожар, ручейками стекаются люди с разных концов деревеньки, с вёдрами, с баграми. Сельский люд живёт сторожко: дома, постройки деревянные догляд постоянный требуют. Праздных зевак на пожаре мало. Знают: не остановишь огонь – запольхают ближайшие строения, а в вёдренную погоду, да при сильном ветре – бедствие всенародное. Поэтому помогает каждый, как может. Знакомые и родственники вещи вытаскивают из уже задымлённых квартир. Ребятишки постарше мужикам воду в вёдрах из ближайших домов и колонок подтаскивают, самые отчаянные нороят к пожарищу подскочить да сами на огонь плеснуть. Вон и футболка Вадима среди снующих мелькает. Учителя в школе часто ругаются на него, мол лоботряс, двоечник, а он вон какой... ловкий. Тут же построил ребят и девчонок в цепочку от колонки, быстро вёдра передаются из одних рук в другие.

Слева от себя Катюка замечает бабу Валю Демьяниху. Посиневшими губами на бледном обескровленном лице баба Валя шепчет молитву. Катюка видит её запавшие с тёмными полукружьями по нижнему веку глаза, слышит обрывки молитвы. По весне прошлого года загорелся сеновал у Демьяновых (говорили: соседские ребятишки тайком от родителей курили). Тогда также стрелял лопающийся шифер, огонь перекинулся на соседний двухквартирный коттедж, выгорела прихожая, кухня. В дыму задохнулась Ольга, хозяйка квартиры, уснувшая после очередной попойки. Слава Богу, детей накануне забрала мать Ольги. Остались Анечка и Ванечка сиротами, словно трава сорная; бабка плоха, из больницы после смерти дочери не выходит, а отец ребятишек, тоже в ту страшную ночь ушедший куда-то, до сих пор запивал смерть жены по - чёрному.

К дому с сиренами подъехали пожарные и полицейская машины. Посыпались пожарные, на бегу разматывая пожарные рукава и готовя брандспойты. Катюка любила пожарные машины. С детства запомнились ей руки отца, сажающие её в кабину большой красной машины: «Ну-ка, Катюша,

посигналь». И Катька, улыбаясь во весь свой на половину беззубый рот, самозабвенно нажимала на кнопку сирены на руле. А ещё отец объяснил ей, чем пожарный отличается от пожарника. И почему, когда уходишь из дома, надо обойти квартиру и отключить электроприборы из сети. Отец очень гордился своей профессией. Бабушка Тася, мама отца, любила рассказывать, как он, даже находясь в отпуске под Тулой, организовал на пожаре сельчан и быстро потушил заброшенную ферму.

Отца нет уже более восьми лет. Странная вещь человеческая память – часто она хранит не цельные воспоминания, а блики каких-то событий. И сейчас, стоя в толпе в ожидании очередного мешка с вещами, вынесенного матерью и слушая версии пожара («говорила Галюсику, почини проводку, плита электрическая уже страшная», «да драка у них была, убили кого-то, вот следы и заматают»), Катька вспомнила, как однажды проснулась от страшного крика матери: «Как ты мог оставить её, спящую, одну! Ты, пожарный, видишь, какая в домах проводка?! Будет пожар - никто не вспомнит про твоего ребёнка, каждый будет спасать своих детей! Своё имущество!» Отец, с трудом ворочая языком, что-то смущённо отвечал. Мать же, глядя вслед какому-нибудь местному забулдыге, часто говорит с осуждением: «У пьющего нет семьи, нет родины».

Катька гордится, что она – дочь пожарного. Иногда она открывает белую картонную коробочку, где лежит желтая медалька, полученная ими уже после смерти отца в честь его десятилетней службы. Катька знает - медалька эта сейчас лежит на дне сумки с документами, что передала ей мать. А ещё когда она проходит или проезжает мимо пожарной части, то невольно вытягивает шею, чтобы увидеть красную пожарную машину, и если видит - ей становится хорошо, надёжно, как будто отец рядом.

Между тем борьба с огнём разворачивалась не на шутку. Мать уже ничего не выносила, да и всем было понятно – дом не спасти. Начали взрываться газовые баллоны, в нарушение всех правил установленные в квартирах, а не в специально отведённых металлических ящиках.

На нижних этажах смельчаки ещё пробовали вытолкнуть из окон мебель, сбить тарелки «Триколор». Но силы были явно не равны. Катька иногда вместе с матерью слушала новости и невольно дивилась: техника для тушения пожаров современная, учения там разные проводятся, а с пожаром огнеборцы часами справиться не могут. Жертв много, дети гибнут, старики. Выходит, не научился человек подчинять стихийные силы.

Ещё один взрыв газового баллона, вырвавшийся из окна, опалил стоящий рядом с домом огромный тополь. И в Катькином сознании теперь всплыли картины из голливудских боевиков про модный апокалипсис. Но там

были фантазии-страшилки на тему будущего человечества, а пожар был здесь и сейчас и это тоже был конец света местного масштаба. Катька знала всех, кто жил в их двенадцатиквартирной деревяшке: вон в стороне от всех, у забора, сидит, обхватив голову руками, дядя Вова Шепелев, у него и у тёти Нади взят и ещё не погашен многотысячный кредит на ремонт квартиры, Авдеевы достраивали дом и в следующем году планировали переехать, Петуховы – многодетная семья; недалеко от неё тоже рядом с вещами стоит одноклассница Иринка... И сейчас по чье-то злой воле этот привычный быт был разрушен.

Через дорогу на крышах частных деревянных домов столбиками стоят сельчане, воду несут уже им: сейчас важно проследить, куда летят искры пожара и куски разлетающегося шифера, и вовремя затушить огонь. Так в войну тушили на крышах бомбы-зажигалки (Катька знала об этом из рассказов бабушки Таси и учителя истории). С Катькой вообще стало происходить нечто странное, ей казалось, что она участница какого-то фильма-катастрофы, и в то же время она смотрит на всё как зритель по ту сторону экрана.

К реальности Катьку вернули злые крики: кто-то увидел на дороге Галюсика, шаткой походкой возвращающейся к дому, вернее к тому, что от него осталось. «Гадина! Тварь!» - женщины пытаются вцепиться в волосы ничего не понимающей Галюсика, к ним присоединяется несколько мужчин. Один из них замахивается... Воющую Галюсика спас наряд полиции, оттеснив жаждущих расправы в сторону. Словно усиливающийся ветер, бежит шепоток: в пожаре погибли муж Галюсика и Санька Рябинин. Про них вспомнили, когда дом уже догорал.

И тут Катьку прорвало, она зарыдала, а потом засмеялась, и снова зарыдала. Кто-то подошёл к ней сзади и развернул к себе. Мамка. Мамочка. «Ничего, Катюшка, ничего. Успокойся, милая. Мы живы, всё хорошо,»- шепчет, сглатывая слёзы, мама и крепко прижимает к себе Катьку.

О пожаре в Катькиной деревне сообщили местные и региональные СМИ. По версии следствия, причиной возгорания стала неисправная проводка. Погорельцам выделили скромную материальную помощь и предоставили временное жильё. Когда у них будет постоянное жильё, никто не знает.

За морошкой Катька с матерью в тот год так и не пошли.